

***

001

Мо Юйсянь застыл, любуясь спящим Баем, и не заметил, как тот, уже совсем было погрузившись в сон, внезапно открыл глаза. Бай Чжоуи мягко коснулся губами лба мужа. Ощувив, как тепло поцелуя сменяется ночной прохладой, Юйсянь прикрыл веки и позволил себе окончательно раствориться в ауре Бая. Ночь прошла в глубоком, спокойном сне.

Поутру, когда Бай Чжоуи привез Юйсяня к мастеру Цзоу, старый мастер Цзоу уже всю хлопотал во дворе, не снимая новой шляпы — вчерашнего подарка Бая. Нужно было заменить поврежденные приборы на новые и вынести обгоревший хлам; Бай задержался, помогая старику с тяжелой работой, и лишь закончив, отправился по своим делам.

В офисе Гильдии Ли Ао и остальные снова обсуждали «Охотничий сезон». С выходом первого трейлера ажиотаж вспыхнул с новой силой; до начала оставался всего месяц, и эта тема стала главной как в сети, так и на улицах города.

— В прошлом году участвовало больше четырех сотен команд, и уже в первый день отсеялась половина. Вернулось меньше сотни. Интересно, сколько самоубийц подаст заявки в этот раз?

— Поверь, меньше их не станет.

— Те, кто выжил в прошлом году, практически полностью переписали «Список восьмисот сильнейших». Ради такого шанса народ повалит толпами.

— Красота... — Ли Ао с нескрываемой завистью посмотрел на капитана. — Бай-гэ, ты всё еще не передумал?

Он был уверен: если Бай Чжоуи решит участвовать, то легко войдет в первую тридцатку. А это означало бы место в «Списке сотни сильнейших» — рейтинге, где города и фракции не имеют значения, где правит только чистая мощь. Перед такими людьми даже лорды городов склоняют головы.

— Я в патруль, — коротко бросил Бай, направляясь к лестнице.

Е Сяоцин молча последовал за ним. Ли Ао хотел было увязаться следом, но желание послушать сплетни об «Охотничьем сезоне» перевесило, и после недолгих колебаний он остался на месте.

Спустившись, Бай Чжоуи поехал напрямиком в ту лавку, где вчера покупал фиксаторы. Лечение

должно было закончиться через неделю, и, судя по последним вспышкам, ему требовалось еще как минимум пять комплектов. Да и для мастера Цзоу стоило присмотреть еще пару головных уборов.

Едва Бай зашел в магазин и заговорил с владельцем, Е Сяоцин негромко спросил:

— Его лечение ведь скоро закончится?

— Да, осталась неделя.

Е Сяоцин задумчиво кивнул. Бай Чжоуи никогда не распространялся о том, что Мо Юйсянь пытается восстановить способность к призыву; официально считалось, что мастер Цзоу лечит его от хронических мигреней.

Медицинские фиксаторы покупали редко, так что Бай фактически опустошил все запасы лавки, чем несказанно обрадовал хозяина. Забрав пакеты, он уже собирался возвращаться в Гильдию, когда на телефон пришло сообщение от Хуана Цихэна с предложением встретиться у вчерашней клиники.

Спустя пятнадцать минут Бай припарковался у входа. Хуан Цихэн, мощный мужчина со шрамом на правой щеке, стоял у стены, неторопливо пуская табачный дым. В зубах зажата сигарета, вид хмурый и дерзкий — настоящий вожак наемников.

Бай Чжоуи вышел из машины и направился к нему. Хуан молча затушил окурок и жестом велел следовать за ним в здание. Найдя пустую палату, он зашел внутрь и подозрительно покосился на Е Сяоцина.

— Он в курсе, — коротко пояснил Бай.

Хуан кивнул, достал смартфон и, запустив видео, протянул его Баю. Тот внимательно всмотрелся в экран, Е Сяоцин тоже придвинулся ближе. Запись велась не из самой гостиницы, а, судя по ракурсу, с камеры одной из соседних лавок.

На видео Бай Чжоуи со своими людьми заходит в отель. Спустя несколько минут они выходят и уезжают. Не проходит и пяти минут, как из гаража гостиницы выезжают пять или шесть внедорожников беженцев из города Сюэ. Было видно, что они торопятся: кроме личных вещей, в машины грузили только раненых.

Они действовали быстро, но не успели покинуть территорию, как дорогу им преградил У Фэнмин, заместитель главы гильдии, со своим отрядом. Путь был отрезан. Многие из беженцев мгновенно призвали зверей, готовые стоять до последнего.

Звука не было, но по картинке было ясно: У Фэнмин о чем-то с ними договаривается.

Напряжение в рядах беженцев сменилось колебанием, а затем — тяжелым согласием. Лидер отряда Сюэ медленно кивнул, и люди Гильдии начали перегружать ящики из машин беженцев в свои автомобили.

Бай Чжоуи не стал досматривать. Вернув телефон Хуану, он спросил:

— Можешь переслать мне эту запись?

Хуан не шелохнулся, буравя Бая испытующим взглядом. Тот спокойно выдержал напор. Не обнаружив на лице Бая ни тени страха или сомнения, Хуан прямо спросил:

— Ты хоть понимаешь, во что ввязываешься?

О союзе Сунь Минляна и Цзи Хэкана в городе знали многие, но предпочитали молчать, ведь те, кто остался в Городе семьи Сунь, либо были с ними в доле, либо боялись до смерти. Включая самого Хуана.

— Прекрасно понимаю.

Хуан Цихэн поджал губы, храня угрюмое молчание.

— Ты когда-нибудь убивал для них? — с легкой улыбкой поинтересовался Бай.

Лицо Хуана мгновенно потемнело:

— Конечно нет!

Бай кивнул. Реакция была искренней.

— Значит, они просили тебя о «помощи», но ты отказал?

На этот раз Хуан промолчал.

— Ты можешь себе позволить отказывать им, потому что ты в «Списке сильнейших» и тронуть тебя — слишком дорогое удовольствие. Но у большинства в этом городе нет такой защиты. У них есть семьи, друзья, и им приходится подчиняться, — голос Бая звучал мягко и рассудительно.

Челюсти Хуана сжались так, что на скулах заиграли желваки.

— Знаешь, почему они не стерли записи с камер и так смело выставили яйца носорогов на черный рынок? — Бай не ждал ответа. — Потому что они уверены: даже если кто-то что-то узнает, никто не посмеет открыть рот.

Хуан Цихэн долго смотрел в глаза Баю, затем достал из кармана заранее приготовленную флешку и вложил её ему в руку.

— Если соберешься сдохнуть — не втягивай меня, — бросил он и направился к выходу.

Сам Хуан не боялся: если кто-то тронет его близких, он пойдет на всё. Но он не мог защищать своих людей круглосуточно.

— Погоди, — окликнул его Бай.

Хуан остановился в дверях и обернулся.

— В твоём отряде ещё есть места?

Хуан и Е Сяоцин замерли в изумлении. Секунду спустя на лице Хуана отразился восторг: неужели Бай Чжоуи наконец решил присоединиться к ним? Е Сяоцин же почувствовал смтение: неужели Бай уходит из стражи? С его силой поисковая команда подходил ему куда больше, но всё же...

— Я не про себя, — уточнил Бай.

Радость Хуана мгновенно улеглась.

— Мы всегда набираем людей, но проверка жесткая. Мы уходим далеко в пустоши. Если новичок окажется балластом, он не просто сдохнет сам, но и потянет за собой остальных.

Бай понимающе кивнул.

— Мо Юйсянь. Ты наверняка слышал — внук главы города Мо.

Хуан опешил. На мгновение ему показалось, что он ослышался, но, взглянув на ошарашенное лицо Е Сяоцина, понял — нет.

— Мо Юйсянь? Он? — Хуан был в замешательстве. — Но ведь его зверь...

История Юйсяня была притчей во языцех, особенно среди тех, кто помнил ту роковую атаку.

— Он сейчас проходит лечение. Если всё пойдет по плану, через несколько дней будет результат. Конечно, до вступления в отряд пройдет какое-то время, — при упоминании Юйсяня взгляд Бая стал удивительно теплым. — Если к тому моменту у тебя будут вакансии, я приведу его на проверку.

Мо Юйсянь не был тем, кто рожден прозябать в тени. Рано или поздно он взлетит, и отряд Хуана Цихэна мог стать для него отличным трамплином.

Эта новость была подобна раскату грома. За две секунды на лице Хуана сменилась целая гамма эмоций: от шока и сомнения до решимости.

— Я возьму его. И тебя. Для вас обоих всегда найдется место, только скажите.

— Спасибо, — улыбнулся Бай.

Статус Юйсяня был крайне деликатным. Принять его в отряд фактически означало бросить вызов семье Сунь. Хуан ничего не ответил, лишь пристально посмотрел на Бая. Раньше он считал, что расследование дела о носорогах — это самоубийственная глупость, но теперь...

— Что ж, нам пора, — Бай убрал флешку и первым вышел из палаты.

Хуан молча провожал его взглядом. Вернувшись в машину и запустив двигатель, Бай Чжоуи направился к Гильдии. В салоне Е Сяоцин устало потер переносицу. Бай приоткрыл окно, выпуская свежий воздух, чтобы разогнать духоту.

Е Сяоцин не чувствовал благодарности — голова разболелась еще сильнее.

— Значит, Мо Юйсянь лечит не мигрени?

— Ну да.

— А как же его зверь? — Е Сяоцин свирепо уставился на Бая, но, встретив его спокойную улыбку, лишь подавил желание выругаться.

***

002

— Головные боли были вызваны тем, что его духовный зверь находился в состоянии постоянного буйства. Чтобы унять боль, нужно было успокоить зверя. А как только он придет в норму, его снова можно будет призвать.

У Е Сяоцина нервно дернулся уголок рта. Бай Чжоуи говорил об этом таким обыденным тоном, будто обсуждал прогноз погоды.

— Тебе не кажется, что стоило рассказать об этом напарникам? — процедил Е Сяоцин сквозь зубы.

Бай Чжоуи слегка наклонил голову:

— Разве я не говорил?

— Тормози, — Е Сяоцин начал призывать своего зверя. Он явно намеревался проучить наглеца.

Бай и не подумал останавливаться. Продолжая вести машину, он с улыбкой добавил:

— Я и сам не ожидал, что это излечимо. Был очень удивлен.

Е Сяоцин промолчал, ожидая внятных объяснений. Его духовным зверем был леопард. В обычном состоянии он был размером с крупного хищника; теперь же, внезапно призванный, он устроился на коленях хозяина, прижав голову Е Сяоцина к спинке сиденья. Звери не читают мысли хозяев, но прекрасно чувствуют их эмоции. Почувствовав гнев Е, леопард оскалил клыки, демонстрируя их Баю. Если тот не объяснится — зверь пустит их в ход.

— Если бы мы проболтались в самом начале, ты думаешь, нам дали бы остановить тех носорогов? — спросил Бай.

Сунь Минлян всегда опасался Юйсяня. Узнай он, что тот идет на поправку, Мо Юйсянь был бы обречен. Носороги стали бы идеальным предлогом для его «случайной» гибели. А если не они, то нашелся бы другой зверь.

Этот довод был неоспорим. Е Сяоцин отозвал леопарда:

— Но он ведь еще не поправился? Почему сейчас ты заговорил об этом? И зачем рассказал Хуану? А если он разболтает? Если Сунь Минлян узнает, Юйсянь окажется в смертельной опасности.

Бай Чжоуи больше не отвечал, сосредоточенно ведя машину. Не дождавшись ответа, Е Сяоцин снова сжал кулаки, но попытаться не стал. У Бая явно был свой план.

Через десять минут машина замерла у здания Гильдии. Е Сяоцин вышел, но перед тем как захлопнуть дверь, посмотрел на Бая:

— Не знаю, как остальные, но я и Ли Ао — мы на твоей стороне.

Бай Чжоуи был искренне удивлен этими словами. Е Сяоцин ничего не добавил и скрылся в здании. Бай посидел в машине еще немного, а затем поехал к мастеру Цзоу. Когда в Гильдии наступала горячая пора, стража работала сутками, но в затишье у них было достаточно свободы.

Когда он прибыл в резиденцию, мастер Цзоу стоял во дворе, тревожно вглядываясь вдаль. В укрепленной лечебной палате Мо Юйсянь лежал на кровати, свернувшись калачиком. Действие лекарства еще не прошло, но фиксаторов на нем не было — очевидно, недавно случился очередной неконтролируемый выброс.

— Как он? — спросил Бай.

Мастер Цзоу давно заметил его приезд:

— Он уже начал чувствовать зверя, но контролировать его всё еще не может.

До конца месяца оставалась неделя. Срок поджимал, но шансы были хорошими. Бай кивнул.

Они ждали еще полчаса, пока Юйсянь не пришел в себя. Лишь тогда они вошли в комнату. Мастер Цзоу, расспросив пациента о самочувствии, с сокрушенным видом принялся проверять уцелевшие приборы, а Бай налил воды и помог Юйсяню напиться. Лекарство было токсичным; инъекции шли одна за другой, и Юйсянь ослабел настолько, что даже когда действие препарата заканчивалось, он долго не мог подняться. Напоив его, Бай помог мужу лечь поудобнее.

Спустя короткое время мастер Цзоу вернулся с новой дозой. Юйсянь лишь обреченно закрыл глаза, а Бай с трудом подавил в себе желание остановить процедуру. Как только инъекция была сделана, старик мгновенно выскочил из комнаты. Бай, сообразив в чем дело, поспешил следом.

Отойдя на безопасное расстояние, он увидел сверкающую лысину мастера и невольно прибавил шагу. Хотя он не думал, что Юйсянь станет его порицать, превращаться в живой факел ему не хотелось.

Едва они достигли середины двора, как за спиной раздался гул яростного пламени. Черный, хищный огонь вырвался из палаты, в мгновение ока поглотив всё в радиусе двадцати метров. На этот раз масштаб бедствия был куда больше — огонь лизнул землю почти у самых их ног.

Мастер Цзоу поспешно отступил еще на пару шагов. Бай последовал его примеру. Это был первый раз, когда он видел пламя духовного зверя Юйсяня воочию. Оно отличалось от обычного огня: в нем не чувствовалось жара, напротив, оно веяло холодом. И оно пожирало не

только горючие материалы — под его воздействием горела даже сырая земля.

Огонь не исчез мгновенно; он бушевал около трех секунд, прежде чем окончательно угаснуть. В ту же секунду Мо Юйсянь на кровати скорчился от невыносимой боли, всё его тело забило в мелких судорогах. Бай посмотрел на мастера. Старик хмуро наблюдал за происходящим, но подходить не спешил. Бай не сводил взгляда с Юйсяня, его челюсти невольно сжались.

Действие лекарства становилось всё более длительным — теперь Юйсяню требовалось не менее полутора часов, чтобы прийти в себя. Пламя появлялось не каждый раз, но когда оно вырывалось на волю, в нем чувствовались неприкрытая ярость и жажда разрушения.

В полдень в доме Цзоу накрыли стол. Старик прервал работу за час до этого, но за обедом Юйсянь всё равно выглядел изможденным. Он съел всего пару ложек и отложил палочки.

— Давай я помогу? — Бай взял его приборы.

Ресницы Юйсяня дрогнули, кончики ушей залила краска:

— ...Не нужно.

— Смущаешься? — Бай невозмутимо подсел ближе. — Открывай рот.

Перед лицом заботливого мужа Юйсяню ничего не оставалось, кроме как послушно открыть рот. Бай отправил туда внушительную порцию еды. Юйсянь сосредоточенно жевал, раздув щеки и глядя на всех своими огромными темными глазами — вылитый хомяк. Мастер Цзоу на миг замер с поднятыми палочками; он явно чувствовал себя здесь лишним.

Подумав, старик предупредил:

— Сейчас он в крайне уязвимом состоянии. Постарайтесь избегать сильных эмоциональных потрясений, иначе он снова сорвется, как в прошлый раз.

Бай на мгновение замер, не понимая, о чем речь, но тут же догадался. Он взглянул на Юйсяня. Тот, ничего не поняв, смотрел на них с полным недоумением.

— Хорошо, я понял, — ответил Бай.

Мастер Цзоу больше не вмешивался, сосредоточившись на еде. Юйсянь переводил растерянный взгляд со старика на Бая. Тот снова поднес ложку:

— Давай еще кусочек. А-ам.

Внимание Юйсяня переключилось на еду, и вскоре его щеки снова задвигались. Он едва одолел половину порции и больше есть не смог. Бай попытался уговорить его, но, видя, что мужа действительно мутит, настаивать не стал.

Днем лечение продолжилось. Сеансы были долгими, инъекции сделали трижды. После последней Юйсянь не мог прийти в себя почти два часа. Бай на руках перенес его в машину, а добравшись до дома, еще полчаса сидел с ним во дворе, пока Юйсянь не обрел способность ходить. Только тогда они вошли в дом.

Зная о побочных эффектах лекарства, дедушка Цзоу заранее ждал их во дворе. Увидев их, он тут же подошел ближе. Мо Юйсянь, стараясь казаться бодрым, перекинулся с ним парой фраз, заставил себя поужинать и только после этого ушел в комнату.

Бай Чжоуи наблюдал за ним, и на душе у него было беспокойно. Подобное наверняка случалось тысячи раз еще до начала лечения. Все те дни, когда Юйсянь мучился от головных болей, когда он был болен, но вынужден был притворяться здоровым... Эта привычка скрывать боль была отточена до совершенства. А ведь до трагедии Юйсяню было всего шесть или семь лет — возраст, когда при любой ссадине бегут плакаться родителям.

Понимая, насколько измотан Юйсянь, Бай не стал его беспокоить ночью. Обработав раны мазью и коснувшись губами его лба, он просто крепко обнял его, и они уснули.

На следующий день Бай, рассчитав время, снова привез его к мастеру Цзоу. Но на этот раз он не уехал. Процесс шел своим чередом, но по мере того как Юйсянь всё лучше чувствовал зверя, пламя становилось всё масштабнее, а ситуация — нестабильнее. Иногда огонь не покидал стен палаты, иногда растекался на тридцать метров вокруг; иногда он гас мгновенно, а иногда бушевал несколько минут.

В обед, когда Бай кормил Юйсяня, на пороге появился Сунь Минлян. Мастер Цзоу вопросительно взглянул на Бая. Слуга, пришедший доложить о гостях, тоже ждал указаний.

— Пусть входят, — Бай не прерывал своего занятия, воспользовавшись замешательством Юйсяня, чтобы впихнуть ему в рот очередную порцию риса.

— Ты уверен? — мастер Цзоу нахмурился.

Сунь Минлян уже приходил раньше, всячески пытаясь выведать подробности о состоянии Юйсяня. Тогда старик твердо стоял на версии с мигренями, и лорду пришлось отступить. Но если он войдет сейчас и увидит этот обугленный хаос... тайну духовного зверя скрыть не удастся.

Юйсянь тоже посмотрел на Бая с сомнением. Его зверь всё еще был неуправляем.

— Всё в порядке. Пусть смотрит, если так хочется, — Бай отправил в рот мужу еще одну ложку.

Юйсянь на автомате начал жевать, его щеки снова смешно раздулись.

***

003

Бай Чжоуи посмотрел на мастера Цзоу с легким извинением в глазах:

— Простите за беспокойство, мастер.

Он понимал: учитывая характер Сунь Минляна, тот наверняка затаит злобу на старика за помощь Юйсяню. Но мастер Цзоу лишь презрительно хмыкнул:

— Думаешь, я его боюсь?

Семья Цзоу владела аптеками не только в Городе семьи Сунь, но и во всех крупных городах. Это был один из самых влиятельных кланов в мире. Мастер Цзоу жил здесь лишь потому, что это была его родина, и здесь обосновались его лучшие ученики, вроде Чжэн Хая.

— Что ж, тогда я позову их.

Вскоре появился Сунь Минлян в сопровождении внука, Ханьшу, и нескольких слуг, нагруженных тяжелыми узлами. Едва переступив порог и увидев пепелище на месте лечебного покоя, Сунь Минлян осекся, его улыбка на миг застыла. Он быстро взял себя в руки, но когда встретился взглядом с холодными, полными неприязни глазами Юйсяня, его маска окончательно дала трещину. Лицо лорда на мгновение исказилось в странной гримасе.

— Открывай рот, — Бай Чжоуи был полностью сосредоточен на кормлении.

Юйсянь, не сводя глаз с Сунь Минляна, послушно открыл рот. Хотя Бай и утверждал, что лорд его не обижал, Юйсянь был уверен: Бай просто не хочет его расстраивать. И теперь он буравил врага тяжелым взглядом, продолжая при этом усердно жевать.

Бай, видя эту картину, не сдержал смешка и поспешил поднести следующую ложку. Сунь Минлян, разрываемый между полным игнорированием со стороны Бая и яростным взглядом Юйсяня, едва сдерживался; мышцы на его лице мелко подергивались, а кулаки, опущенные вдоль тела, были крепко сжаты.

— Зачем пожаловал? — спросил мастер Цзоу, не прерывая трапезы.

Сунь Минлян глубоко вдохнул, пытаясь вернуть на лицо подобие любезности:

— Слышал, Сяо Сяню стало лучше?

— Есть такое. Если повезет, через пару дней закончим, — мастер Цзоу бросил короткий взгляд на Бая и небрежно кивнул.

Сунь Минлян не ожидал такой прямоты. Он готовился к долгим расспросам и уверткам, и теперь его заготовленная улыбка окончательно сползла с лица.

— ...Я принес кое-какие укрепляющие средства.

Слуги тут же поспешили составить принесенные дары.

— Благодарю, — улыбнулся Бай, мельком глянув на подношения.

Прямота мастера Цзоу, неизменная улыбка Бая и невозмутимо жующий Юйсянь — вся эта абсурдная сцена ввела Сунь Минляна в ступор. Он на миг забыл, зачем вообще пришел. Постояв еще немного, он решил ретироваться:

— Что ж, не будем вам мешать. Мы пойдем.

— Скатертью дорога, — мастер Цзоу даже не поднял головы от тарелки.

— Всего доброго, — вежливо отозвался Бай.

У Сунь Минляна дернулся глаз. С трудом подавляя ярость, он развернулся к выходу. Ханьшу последовал за ним, но в дверях на мгновение обернулся и бросил странный взгляд на Бай Чжоуи. Бай заметил это, но не удостоил вниманием, воспользовавшись моментом, чтобы скормить Юйсяню последнюю ложку риса.

Оказавшись в машине, Сунь Минлян со всей силы пнул спинку переднего сиденья. Его глаза, обычно казавшиеся добрыми и мудрыми, теперь пылали неприкрытой злобой. Водитель от удара едва не впился лбом в лобовое стекло, но не издал ни звука. Он слишком хорошо знал характер своего господина.

— Да кто такой этот Цзоу, чтобы так со мной разговаривать?! Клянусь, я сотру его лавки в порошок во всем Городе семьи Сунь! — проорав это, лорд вспомнил о влиянии клана Цзоу и осекся, но тут же добавил с ненавистью: — Он отсюда живым не выйдет!

В салоне воцарилась тяжелая тишина.

— И этот выскочка из семьи Бай... кем он себя возомнил? — в глазах лорда мелькнул хищный блеск. — Бай Чжоуи, значит... Ну, погоди у меня.

— Как же ты орешь.

Детский голос прозвучал неожиданно резко и властно. Ярость Сунь Минляна мгновенно угасла, словно его окатили ледяной водой. На миг в его взгляде вспыхнул гнев, но он тут же взял себя в руки:

— Напугал тебя? Прости дедушку...

В отличие от никчемного Сунь Лайбао, Ханьшу был его главной гордостью и надеждой.

— Что думаешь об этом деле?.. — с надеждой спросил старик.

— Посмотрим, — Ханьшу прислонился лбом к стеклу и закрыл глаза.

— Посмотрим?! — голос лорда сорвался на визг, но, увидев, что внук не намерен продолжать разговор, он заставил себя замолчать.

***

Дом Цзоу.

— Какой молодец, всё съел, — Бай Чжоуи не жалел похвал для мужа.

Юйсянь только сейчас осознал, что умял целую миску. Он переводил взгляд с Бая на пустую посуду, не зная, как реагировать на такую бесхитростную похвалу. В конце концов, он просто громко икнул.

Дневное лечение продолжилось. Препараты давали тяжелые побочные эффекты, а силы Юйсяня таяли с каждым днем. После третьей инъекции он пролежал в забытии больше двух часов. Бай провел в доме Цзоу еще час, затем еще столько же они просидели в машине. Когда время перевалило за восемь вечера, а Юйсянь так и не пришел в норму, Баю пришлось на руках нести его в дом.

Дедушка Цзоу ждал их во дворе. Увидев Юйсяня на руках у Бая, он заметно напрягся. Бай уложил Юйсяня в постель, старик зашел следом.

— Он просто вымотался и уснул по дороге, — мягко сказал Бай.

Старик стоял у кровати, не проронив ни слова.

— Не волнуйтесь так, — попытался успокоить его Бай.

Старый мастер Цзоу тяжело вздохнул:

— Он мне врет, и ты туда же.

Прожив с ним больше двадцати лет, он не мог не заметить, как тот слабеет с каждым днем. Но Юйсянь берег его сердце, а он — чувства Юйсяня, поэтому оба старательно делали вид, что ничего не происходит.

Бай Чжоуи не удивился. Мастер Цзоу в молодости был незаурядным человеком, просто судьба оказалась к нему жестока. Старик еще раз вздохнул и вышел из комнаты. Услышав, как хлопнула дверь в его покоях, и убедившись, что дед в порядке, Бай вернулся к Юйсяню. Он принес воды и бережно обтер его лицо и руки — Мо был весь в холодном поту.

Как раз когда Бай закончил, Юйсянь наконец открыл глаза. Некоторое время он бессмысленно разглядывал потолок, а осознав, что он дома, с тревогой покосился на дверь.

— Всё хорошо. Я сказал дедушке, что ты заснул в машине, он поверил, — успокоил его Бай.

Юйсянь с облегчением выдохнул и прикрыл глаза, приходя в себя. Спустя полчаса, когда Бай разогрел ужин, Мо нашел в себе силы сесть. Поев, они рано легли спать.

Следующие дни Бай Чжоуи не отходил от Юйсяня ни на шаг, оставаясь в доме Цзоу. Он понимал, что сейчас его поддержка важна как никогда. Процесс шел успешно: яростное пламя с каждым днем становилось всё более послушным. На четвертый день Юйсянь смог войти в нужное состояние и почувствовать зверя даже без лекарств, но его организм был на пределе.

Лишь утром он чувствовал относительную бодрость, остальное время едва мог сидеть, а по вечерам вообще не помнил, как оказывался дома. Из-за истощения он почти не мог есть; то, что удавалось впихнуть в него днем, вскоре выходило обратно, и Бай перестал настаивать. Юйсянь явно был чем-то подавлен.

Ночью, когда Бай уже начал проваливаться в сон, Юйсянь внезапно зашевелился. Бай не стал включать свет:

— Проснулся? Хочешь перекусить?

Юйсянь покачал головой — аппетита не было совсем.

— Тогда воды?

На этот раз Мо не отказался. Бай зажег ночник и помог ему напиться. Утолив жажду, он снова выключил свет и притянул мужа к себе. Юйсянь ворочался, сон не шел.

— Что-то болит? — спросил Бай.

— Я тебя разбудил? — Юйсянь замер, боясь пошевелиться.

— Нет, — Бай коснулся его лба. Жара не было.

— Просто сна ни в одном глазу, — тихо ответил Мо. — Спи, не обращай внимания.

Бай действительно чувствовал усталость:

— Если что-то понадобится — зови.

— Угу...

Бай закрыл глаза. В густой темноте, когда он уже почти уснул, внезапно раздался тихий голос Юйсяня:

— А что, если ничего не получится?

До конца срока оставалось всего два-три дня, но он так и не смог призвать зверя. Пламя в его душе никак не желало успокаиваться. А ведь Бай потратил целое состояние на это лечение. И из-за него ввязался в опасную игру с семьей Сунь. Если всё это напрасно...

Сон улетучился. Бай пришел в себя:

— Не получится — и ладно.

Юйсянь молчал.

— Мы просто вернемся к тому, с чего начали в день нашей встречи, — Бай прижал его к себе чуть крепче. — Для меня это не будет потерей. Просто неудачная попытка, только и всего.

То ли от крайнего истощения, то ли от невыносимого давления последних дней, но теплые объятия Бая и его спокойный, ласковый голос внезапно пробили брешь в броне Юйсяня. К горлу подкатил комок.

— Но ты потратил столько денег...

Бай негромко рассмеялся, в его голосе слышалась сонная нежность:

— У меня еще есть. Не переживай, я довольно богат.

— ...А что делать с Сунь Минляном?

— Если сунутся — я с ними разберусь.

Юйсянь промолчал, уверенный, что Бая обязательно обидят.

— Бай Чжоуи...

— М-м?

Юйсянь не нашел слов. Он просто крепко обнял его и уткнулся лицом в грудь Бая. Бай не боялся, но Юйсянь дрожал от страха за него. Пусть Бай и говорил, что столкновение с Сунями неизбежно, Юйсянь не мог простить себе, что стал причиной этой вражды, оставаясь при этом беспомощным наблюдателем. От этой мысли сердце сжималось в тисках тоски.

Он понял: он любит Бай Чжоуи. Ведь только когда любишь, так сильно дорожишь кем-то и так отчаянно боишься его потерять. Бай предлагал ему просто спокойную совместную жизнь, а он... он отдал ему свое сердце.

Почувствовав, как крепко вцепился в него Юйсянь, Бай Чжоуи окончательно проснулся. В темноте он видел лишь макушку мужа, спрятавшего лицо у него на груди. Это был первый раз, когда Юйсянь сам, по своей воле, обнял его. Раньше он лишь покорно принимал ласку.

Взгляд Бая смягчился. Он обнял его в ответ, мерно поглаживая по спине:

— О чём ты, глупенький... Я же рядом.

Юйсянь только сильнее сжал руки:

— Бай Чжоуи...

— Да?

— Бай Чжоуи...

Он не знал, как облечь свои чувства в слова. Как сказать, что полюбил его. Никто никогда не учил его этому, и он не знал, стоит ли вообще открываться. Ведь Бай Чжоуи всегда был ко всем одинаково добр и ласков.

<http://bllate.org/book/16108/1586779>